

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Мольер

Скупой

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(4Фра)-6
М76

**Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

*Перевод с французского
Наталии Немчиновой*

Мольер.

М76 Скупой: Пьеса / Пер. с франц. Н. И. Немчиновой. — М.: Агентство ФТМ, Лтд. — 102 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

Сюжет для пьесы Мольер позаимствовал у римского комедиографа Плавта. Главный герой, богач Гарпагон, невероятно скуп. Под его гнетом все домашние: выросших детей надо выгодно устроить в жизни, самому жениться на хорошенькой возлюбленной сына. Однако найденная слугой в саду шкатулка с деньгами Гарпагона переворачивает историю. Благодаря этому любовники вновь соединяются и обретают новых родственников..

ISBN 978-5-4467-3113-8

© Перевод. Н. М. Любимов,
наследники, 2018

© Агентство ФТМ, Лтд., 2018

Действующие лица

Гарпагон, отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

Клеант, сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.

Элиза, дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

Валер, сын Ансельма, возлюбленный Элизы.

Мариана, возлюбленная Клеанта, которую любит Гарпагон.

Ансельм, отец Валера и Марианы.

Фрозина, посредница в сердечных делах.

Симон, маклер.

Жак, повар и кучер Гарпагона.

Лафлеш, слуга Клеанта.

Клод, служанка Гарпагона.

Брендавуан, **Ламерлюш**, лакеи Гарпагона.

Комиссар.

Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

Действие первое

Явление I

Валер, Элиза.

Валер. Что я вижу! Прелестная Элиза, вы грустите? Давно ли вы дарили меня благосклонными речами, заверяли в искренней любви? Я был безмерно счастлив. Но увы! Настали перемены. Вы моей радости не разделяете. Что значат эти вздохи? Скажите не таясь: вы сожалеете, что осчастливили меня надеждой? Вы раскаялись и уже хотите взять обратно обещание, которое исторг у вас мой пламень?

Элиза. Нет, Валер. Могу ли я раскаяться хоть в чем-нибудь, что делаю для вас? Я покорна нежной власти чувства, и у меня нет сил восстать против нее. Но не хочу скрывать: тревожусь я. К чему все это приведет? Боюсь, что я люблю вас несколько сильнее, чем то дозволено девицам.

Валер. Элиза, чем же вас страшат те милости, которые вы мне дарите?

Элиза. Ах, многим, многим! Я предвижу гнев отца, упреки всей родни, суровое суждение света. Но более всего боюсь я вашего, Валер, непостоянства! Мужчины очень часто платят за страстный жар невинных чувств преступною холодностью.

Валер. О, не обижайте несправедливым опасеньем! Я не таков, как прочие! Подозревайте в чем угодно, но уж не в том, что я способен нарушить долг свой перед вами. Я люблю вас, и только вместе с жизнью моя любовь угаснет.

Элиза. Ах, Валер, говорят, у всех у вас одна и та же песня! В словах и клятвах все мужчины одинаковы, а вот поступки их показывают разницу между ними.

Валер. Ну, вот и подождите выносить мне приговор, куда мое сердце не скажется в моих поступках, не вменяйте мне в вину напрасных страхов, порожденных вашей излишней и досадной осторожностью! Молю, не убивайте, не наносите мне жестокого удара оскорбительным сомнением! Дайте срок убедить вас тысячами доказательств, что я люблю любовью пламенной и чистой.

Элиза. Увы! С какою легкостью мы поддаемся увереньям милого! Да, Валер, мне думается, вы неспособны прибегнуть к низким обольщениям. Я верю, что любима искренно, что вы мне не измените. Сомнения прочь! Но люди, но молва... Я их боюсь.

Валер. Да почему? Откуда это опасенье?

Элиза. Я ничего бы не страшилась, когда бы все могли смотреть на вас глазами моей души: ведь я-то нахожу в вас столько оправданий всему, что делаю для вас! Ваши достоинства — защита сердцу моему от всех укоров, а благодарность к вам — священный долг, предписанный мне небом. Разве я могу забыть, в каких необычайных обстоятельствах мы встретились, с какою благородной отвагой вы бросились в бушующие волны и спасли меня, рискуя своею жизнью? А ваши нежные заботы, горячая, почти-тельная страсть, которую ни время, ни препятствия не охладили, которая вас держит близ меня, в чужом краю, далеко от родных и понуждает вас скрывать и свое имя и положение. Ведь для того, чтобы видаться нам повседневно, вы играете роль управителя, слуги у моего отца. Конечно, для меня все это чудо, просто чудо! Как же мне не оправдать свое согласие? Но, пожалуй, чужие люди меня не оправдают и не поймут.

Валер. Какие же у меня достоинства? Я на одно лишь уповаю: любовь — вот все мои достоинства. Суда людского не страшитесь — ваш батюшка как будто бы нарочно старается вас оправдать пред целым светом. Чрезмерной скупостью, суровым обращением он мог бы вас и брата вашего толкнуть на крайности. Милая Элиза, простите, что я так говорю. Но вы же сами знаете: ничего хорошего о нем сказать нельзя. Однако не тревожьтесь: если мне удастся, как я надеюсь, найти своих родителей,

нам нетрудно будет добиться у него согласия на наш союз. Я с нетерпением жду вестей. Ежели отец и мать замедлят сюда прибыть, я сам поеду их разыскивать.

Элиза. Валер, останьтесь. Умоляю, не уезжайте. Лучше постарайтесь батюшку расположить к себе.

Валер. Да я стараюсь; вы видите, как я стараюсь, на какие уловки я пустился, чтобы проникнуть в его дом и в услуженье поступить, какую маску я ношу, как я подлаживаюсь ко всем его понятиям и чувствам, какую роль играю ежедневно, чтоб заслужить его расположение! Зато мне удалось достигнуть поразительных успехов, и я узнал на опыте, где самый верный путь к благоволению людей. Притворно разделяй все вкусы их и склонности, житейские их правила, восхваляй их недостатки, восторгайся всеми их словами и поступками. Не бойся пересолить в угодничестве. Даже если оно бросается в глаза, как грубая игра, — лестью одурачишь первейшего разумника, и он проглотит любую наглую, смешную выдумку, стоит лишь ее приправить похвалами. Конечно, при таких повадках теряешь искренность, да что поделаешь? Хочешь иль не хочешь, а приносивайся к нужным людям. И если невозможно без лести войти к ним в милость, виноват не тот, кто льстит, а тот, кто любит лести.

Элиза. А почему бы вам не заручиться и поддержкой брата? Что, ежели служанка выдаст нашу тайну?

Валер. Мне не по силам угождать одновременно и отцу и сыну: уж очень разные они, войти в доверие к обоим — дело чрезвычайно трудное. Лучше,

Элиза, вы сами воздействуйте на брата. Вы с ним друзья, постарайтесь склонить его на нашу сторону. Вот он идет. Я ухожу. А вы тем временем поговорите с братом, но откройте ему лишь то, что вам покажется уместным.

Элиза. Не знаю, право, хватит ли у меня смелости открыться.

Явление II

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, сестрица? Очень рад! Я сгораю от нетерпения доверить тебе тайну.

Элиза. Слушаю. Что ты хотел сказать?

Клеант. Ах, очень, очень много и всего лишь в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, сестрица. Но погоди, послушай. Я прекрасно знаю, что сын во всем зависит от отца и должен покоряться его воле; сын не имеет права жениться, не испросив на то согласия родителя, которому обязан жизнью; небо облекло отцов верховной властью над чувствами их сыновей; отцы посланы на землю для того, чтоб дети их не смели без руководства отчего ступить ни шагу; будучи уже избавлены от пыла страсти, отцы гораздо менее, чем мы, способны ошибаться и видят лучше нас, кто нам подходит; нам надлежит гораздо больше верить свету их рассудка, чем ослепленью сердца нашего;